

ГЕРБЕРТ
УЭЛМС

Annotation

•

Герберт Уэллс

Остров Эпиорнис

Перевод В. Дилевской

© Леннздат, 1979

Человек со шрамом на лице перегнулся через стол и посмотрел на мой сверток.

Орхидеи? — спросил он.

Да, пустяки, несколько штук, — ответил я.

Киприпедии?

Главным образом.

Что-нибудь новое? Нет? Я так и думая. Я бывал на этих островах лет двадцать пять — двадцать семь тому назад. Если вы ухитрились отыскать там что-нибудь новое, — значит, уж совсем новинка. Я ведь оставил после себя немного.

Я не коллекционер.

Я был молод тогда, — продолжал он. — Боже, как я носился по свету! — Он испытующе посмотрел на меня. — Два года я прожил в Восточной Индии и семь лет в Бразилии. А затем отправился на Мадагаскар.

Мне известны имена некоторых исследователей, — заметил я, предвкушая «охотничий рассказ». — Для кого вы собирали?

Для Даусона. Интересно знать, вам не приходилось слышать фамилию Бутчер?

Бутчер... Бутчер? — Фамилия смутно маячила у меня в памяти. И вдруг я вспомнил: «Дело Бутчера против Даусона». — Ну как же! — воскликнул я. — Так вы тот самый человек, который старался отсудить у них жалованье за четыре года и был выброшен на необитаемый остров?..

Ваш покорный слуга, — промолвил, кланяясь, человек со шрамом. — Забавный был случай, не правда ли? Это именно я копил маленький капиталец там, на острове, — это получалось как-то само собой, — а они даже не могли уволить меня. Мысль об этом очень забавляла меня, когда я там жил. Я высчитывал свое состояние — огромное состояние, — расписывая красивые узоры по этому чертову острову.

Постойте, как это произошло? — спросил я. — Я что-то не очень помню...

Ну!.. Вы слышали об эпиорнисе?

Конечно... Эндриус с месяц тому назад, как раз перед моим отъездом, рассказывал мне о новой породе. Они раскопали берцовую кость длиной около ярда. Ну и чудовище!

Еще бы! — воскликнул человек со шрамом. — Она и была чудовищем. Синдбадова птица Рох — пустяк перед ней. Но когда же они нашли эти кости?

Года три-четыре тому назад, как будто в девяносто первом. А что?

Как что? Да ведь это я нашел их лет двадцать назад. И если бы Даусон не валял дурака с этим жалованьем, мы бы уж наделали шуму! Я-то не виноват, что эту проклятую посудину унесло течением. — Он помолчал. — Думаю, это то самое место. Вроде болота, миль девяносто к северу от Антананариво. Вы, может, слышали о нем? Туда надо плыть на лодках вдоль побережья. Вспоминаете?

Нет, не помню. Впрочем, Эндриус, кажется, что-то говорил насчет болота.

Должно быть, оно и есть. На восточном побережье. Там вода такая, что в ней ничего не портится. Она пахнет креозотом. Мне так и вспомнился Тринидад. А им удалось раздобыть еще яиц? Те, что я нашел, достигали полутора футов. Там кругом сплошное болото, понимаете, и к тому месту не проберешься. А вода почти всюду соленая. Дда... И досталось же мне там! Я нашел эти штуки случайно. Мы отправились за яйцами, я и два туземца, на одном из их допотопных челнов, и тогда же нашли кости. У нас была палатка и провизия — дня на четыре, вот мы и расположились на твердом местечке. Как сейчас слышу этот странный смолистый запах. Чудная работа! Идешь шаг за шагом, прощупывая болотную слякоть железным прутом. Обычно яйцо разбивается вдребезги. Интересно

знать, сколько времени прошло с тех пор, как жили эти эпиорнисы. Миссионеры говорят, что туземцы рассказывают легенды о тех временах, но я сам ничего такого не слышал (сноска 1). Одно несомненно, яйца, которые мы нашли, были такие свежие, как будто их только что снесли. Свеженькие! Перенося их в лодку, один из моих негров уронил яйцо на камень, и оно разбилось. И задал же я трепку этому негодяю! Но яйцо было свежее, как будто и в самом деле только что снесенное, а ведь мамаша сдохла этак лет четыреста назад. Этого парня, видите ли, укусила сколопендра! Однако я не о том... Нам пришлось копать ягрязи целый день, но мы вытащили яйца в целости, вымазались в премерзкой черной пакости, и, конечно, я злился. Насколько мне известно, это были единственные яйца, которые удалось извлечь без единой трещинки. Впоследствии я отправился посмотреть на такие же в Лондонском зоологическом музее. Там они все потрескались, слиплись, как мозаика, и кусочков не хватало. Мои были великолепны, и я собрался раззвонить о них по всему свету, когда вернусь. Конечно, я рассердился на этого идиота, — ведь три часа работы пропало из-за какой-то сколопендры! Ему здорово влетело от меня.

Человек со шрамом вытащил глиняную трубку. Я протянул ему мой кисет. Он машинально набил трубку,

А как с остальными? Вы доставили их домой? Я не помню...

Вот тут-то и начинается самое интересное. Уменя оставалось еще три. Три вполне свежих яйца. Ну-с, мы положили их в лодку, и я отправился в палатку сварить кофе, а моих язычников оставил на берегу; один из них возился со своей раной, а другой помогал ему. Я никак не думал, что эти пройдохи воспользуются положением, в какое я попал, и затеют со мной ссору. Но, вероятно, яд сколопендры и пинок, которым я наградил его, обозлили одного из них, — он вообще был презлющий, — а другого он уговорил.

Помню, я сидел, курил и кипятил воду на спиртовке, которую я всегда беру в такие экспедиции. А заодно любовался закатом на болоте. Оно было все полосатое, какое-то черное и красное, как кровь, просто картина! А вдали этакие горы — туманные, серые, и над ними небо, как огненная печь. А в пятидесяти ярдах

¹Ни один европеец не видел живых эпиорнисов, за сомнительным исключением Мак Андрию, который посетил Мадагао кар в

1745 году. (Прим. Г. -Дж. Уэллса).

за моей спиной эти проклятые язычники, несмотря на окружающую тишину и покой, готовились удрать к бросить меня одного, с трехдневным запасом провизии, палаткой и единственным маленьким бо чонком воды. Я услышал какой-то вопль позади себя, смотрю — а они уже плывут в челноке (это была не настоящая лодка) ярдах в двадцати от берега. В одну секунду я понял, что случилось. Мое ружье осталось в палатке, и вдобавок не было пуль, а только дробь. Они знали это. Но в кармане у меня был маленький револьвер, я выхватил его и побежал к берегу.

— Назад! — заорал я, размахивая револьвером.

Они что-то залопотали, и тот негодяй, что разбил яйцо, стал издеваться надо мной. Я прицелился в другого — того, что не был укушен и греб, но промахнулся. Они захохотали. Однако я еще не сдавался. Понимая, что нельзя терять голову, я снова прицелился. И тут негр подскочил. Теперь он уже не смеялся. В третий раз я угодил ему в голову, и он полетел через борт вместе с веслом. Удачный выстрел для такого револьвера. Прицел — этак ярдов на пятьдесят. Негр тотчас пошел ко дну. Не знаю, застрелил я его или только оглушил и он захлебнулся. Я принялся кричать другому, чтобы он вернулся, но он скорчился на дне лодки и не отвечал. Тогда я выпустил в него все пули, но ни одна его даже не задела...

Признаюсь, я чувствовал себя круглым идиотом. Я остался один на этом гнусном черном берегу, позади тянулось плоское болото, впереди плоское море, похолодевшее после заката, а дьявольский челнок уходил все дальше в море. Сказать правду, в ту минуту я проклинал на чем свет стоит и Даусона, и Джемраха, и музеи, и все прочее. Я орал негру, чтобы он вернулся, и наконец стал неистово вопить.

Оставалось одно — поплыть за ним, рискуя встретиться с акулами. Я открыл нож, взял его в зубы, сбросил одежду и вошел в воду. Но едва я очутился в воде, как тотчас потерял челнок из виду, хотя, как мне казалось, я плыл ему наперерез. Я надеялся, что человек в лодке слишком ослабел и ему не до руля, а лодка сама по себе не изменит направления. И вдруг она снова показалась на горизонте, где-то на юго-западе. Последние отблески заката погасли, и подкрадывался ночной мрак... В синеве проступили звезды.

Я плыл, как чемпион на состязании, хотя руки и ноги у меня ныли от усталости.

И все-таки, когда уже померкли звезды, я подплыл к нему. В темноте вода стала светиться — вы знаете, фосфоресценция. Минутами у меня кружилась голова. Мне уже трудно было отличать звезды от этих искр, и я не соображал, плыву ли я вниз ногами или головой. Челнок был черен, как смертный грех, а рябь под его носом сверкала, как жидкое пламя. Конечно, я боялся лезть в лодку, и хотел выяснить, что предпримет негр. Но он лежал, свернувшись в клубок, на носу, а вся корма была над водой.

Течение медленно кружило челнок, ну совсем как в вальсе. Я схватился за корму и дернул ее, полагая, что человек очнется. Затем перелез через борт, держа нож в руке, готовый к нападению. Но негр не шевелился. Тогда я уселся на корме и поплыл по спокойному, сияющему морю под небом, усыпанным звездами, ожидая, что будет дальше.

Спустя некоторое время я окликнул его по имени, но он не отозвался. Я слишком ослабел и не рисковал подползти к нему. Так мы и сидели. Кажется, я раза два-три задремал. Только на рассвете я увидел, что он мертв, как бревно, весь изогнулся и посинел. Три яйца и драгоценные кости лежали в середине челнока, а бочка с водой, кофе и сухари, завернутые в капштатскую газету «Аргус», — у его ног, жестянка с метиловым спиртом стояла перед ним. Весла не было, и, кроме спиртовки, нечем было его заменить, поэтому я и решил плыть по воле волн, до тех пор пока меня не подберут. Я произвел следствие, вынес приговор неведомой змее, скорпиону или сколопендре и выбросил труп за борт.

Затем я выпил воды, поел сухарей и стал смотреть, что делается вокруг. Вероятно, когда человек лежит на дне лодки, ему видно не особенно много. Во всяком случае, Мадагаскар совсем исчез из глаз, и вообще не было ни намека на землю! Я видел какой-то парус, наверное, это была шхуна, проплывшая на юго-запад, но ее корпус так и не показался над горизонтом. Вскоре солнце поднялось высоко и начало меня палить. Господи боже! У меня мозг чуть не расплавился от жары. Я попытался окунуть голову в море; затем взгляд мой упал на «Аргус», я улегся на дно челнока и закрылся газетным листом. Замечательная вещь эти газеты! Правду сказать, я ни одной из них не

дочитал до конца, но какие возможности таятся в них, когда человек остается совсем один вот так, как я тогда! Кажется, я перечел этот пожелтевший номер «Аргуса» раз двадцать. Смола на стенках челна воняла и вздувалась крупными пузырями.

Меня носило по морю десять дней, — продолжал человек со шрамом. — Шутка сказать, а? Дни тянулись однообразно. Я приподнимался только утром и вечером, чтобы посмотреть кругом, — ведь жара была дьявольская!..

Первые три дня я еще видел парусники, но ни один из них не обратил на меня внимания. На шестую ночь одно судно прошло не более чем в полумиле от меня, — при полном освещении и с открытыми иллюминаторами оно казалось большим светляком. На палубе играла музыка. Я вскочил на ноги, я звал, я кричал. На второй день я надколол яйцо эпиорниса, отковырял по кусочкам скорлупу с одного конца и попробовал. И представьте себе мою радость, — оно оказалось вполне съедобным. Небольшой привкус, пожалуй неплохой, вроде как у утиного яйца. С одной стороны желтка виднелось круглое пятно — около шести дюймов в диаметре, с кровяными прожилками и белой меточкой в виде завитка, которая мне показалась подозрительной, но в то время я не понял, что это значит, и не склонен был размышлять об этом. Вместе с сухарями и порцией воды этого яйца мне хватило на три дня. Кроме того, я жевал еще кофейные зерна, — это здорово подбадривает. Второе яйцо я разбил на восьмой день и испугался.

Человек со шрамом помолчал.

Да, — продолжал он, — оно было с зародышем.

Вы не верите, конечно. Я и сам не поверил, хоть

и видел своими глазами. Яйцо пролежало в холодном черном болоте лет триста. Но ни малейшего сомнения: там был этот самый — как его — эмбрион с большой головой и изогнутой спинкой, и сердце билось у него под шейкой, а желток сморщился, и пленки обволакивали изнутри всю скорлупу. Оказывается, я высиживал в маленькой лодке посреди Индийского океана яйца самой крупной из ископаемых птиц. Эх, если б только знал об этом старик Даусон! Это стоило четырехлетнего жалованья! Как вы думаете?

И все-таки мне пришлось есть эту чертовщину, кусок за куском, пока не показался остров, — некоторые куски были просто

отвратительны. Третье яйцо я не трогал. Я посмотрел его на свет, но скорлупа была слишком толстая, и трудно было разобрать, что в нем творится. Мне казалось, что я слышу, как там бьется пульс, но, быть может, это шумело у меня в ушах, как бывает, когда приложишь к уху морскую раковину.

Наконец показался коралловый остров. Показался внезапно, как будто вырос из моря на фоне восходящего солнца, совсем близко. Меня несло прямо к нему, но когда до берега оставалось не более полумили, течение круто повернуло, и, чтобы достичь цели, мне пришлось изо всех сил грести руками и осколками от скорлупы эпиорниса. И все-таки я добрался. Это был самый обыкновенный атолл, около четырех миль в окружности, с кучкой деревьев, родником и лагуной, где водилась пропасть летучих рыб. Я вынес яйцо на берег и положил его в безопасное место, за линией прилива, на солнцепеке, чтобы помочь птенцу вылупиться, потом крепко привязал челнок и пошел осматривать островок. На редкость нудное место — коралловый остров. Как только я нашел родник, всякий интерес к острову у меня пропал. Когда я был мальчишкой, мне казалось, что лучше и увлекательней приключений Робинзона Крузо ничего не может быть, а это место было скучнее церковных проповедей. Я бродил по острову, искал чего-нибудь поесть и думал о разных вещах. Но уверяю вас, мне все наскучило до смерти к концу первого же дня.

Мне повезло: в тот самый день, когда я вылез на сушу, погода изменилась. Немного севернее прошла гроза и краем задела мой остров, а к ночи разразился ливень, и ветер завывал ужасно. А ведь чтобы опрокинуть такую лодку, не много нужно, вы сами понимаете.

Я спал под челноком, а яйцо, к счастью, лежало в песке на берегу, немного повыше, и первое, что я услышал, был грохот, как будто сотня гольшей ударились о лодку, и меня окатило волной. Перед тем мне снилось Антананариво, я даже сел и окликнул Инто-ши, чтобы спросить ее, что тут за дьявольщина, и потянулся к стулу, на котором обычно лежали спички. А потом вспомнил, где я. Светящиеся волны набегали с такой яростью, точно хотели меня поглотить, а кругом было черным-черно. Ветер визжал, как зверь. Тучи повисли над самой головой, и дождь лил такой, точно небо дало течь и там ушатами вычерпывают воду я льют на землю. Огромный вал налетел на меня, над огненным змий, и я бросился наутек. Вспомнив о чел- не, я

побежал обратно, — волны как раз отхлынули, шипя, но челн исчез. Тогда я вспомнил об яйце и стал ощупью пробираться к нему. Оно лежало целое и невредимое, и самая бешеная волна не могла его догнать. Я присел рядом и прижался к нему, как к товарищу. Бог ты мой, что это была за ночь!

К утру шторм затих. С рассветом на небе не осталось ни единого облачка, а по всему берегу валялись обломки досок — так сказать, разобранный на части скелет моего челна. Но это помогло мне заняться каким-то делом: выбрав два дерева, росших рядом, а с помощью эти обломков соорудил себе убежище от грозы. В тот самый день и вылупился птенец.

Да, вылупился, сэр, в то время, когда моя голова лежала на нем, как на подушке, и я спал. Я усльпшал треск, почувствовал толчок, сел и смотрю: яйцо пробито, и оттуда выпянула смешная маленькая темная головка. "А-а! — воскликнул я. — Добро пожаловать!" И с небольшим усилием он вылез на свет божий.

На первых порах это был славный, добродушный малыш величиной с небольшую курицу, очень похожий на любого птенца, только покрупнее. Все тело у него было покрыто какими-то струпьями, которые вскоре опали, и редкими грязно-бурыми перышками вроде пуха. Трудно выразить, как я был рад ему. Пожалуй, далее Робинзон Крузо не сумел передать, что такое одиночество. А у меня появился интересный товарищ. Он поглядел на меня и повел глазом вбок, как курица, чирикнул и тотчас начал клевать, точно вылу» питься с опозданием на триста лет — это сущий пустяк.

— Рад тебя видеть, Пятница! — приветствовал я его.

Разумеется, я заранее решил назвать его Пятницей, если он когда-нибудь появится; решил еще тогда, когда увидел зародыш в яйце, которое я съел в лодке. Меня беспокоил вопрос о его корме, и я тотчас предложил ему кусочек сырой рыбы. Он проглотил его и снова разинул клюв. Я был рад этому — ведь если бы он стал капризничать, мне неминуемо пришлось бы его съесть.

Вы не можете себе представить, какой интересной птицей оказался этот юный эпиорнис. С самого начала он вздумал ходить за мною по пятам. Когда я удил рыбу в лагуне, он стоял возле меня и потом получал свою долю улова. А какой был умница! На берегу валялись какие-то пакостные зеленые бородавчатые штучки, вроде

соленых огурцов. Он попробовал одну и чуть не отравился. С тех пор он не хотел даже смотреть на них.

И он рос. Рос почти на глазах. Я никогда особенно не любил общества, и его спокойные, мягкие манеры пришлись мне как раз по вкусу. Почти два года мы были счастливы, если можно быть счастливым на этом острове. Я жил без всяких забот, зная, что мое жалованье спокойно лежит и копится у Даусона. Время от времени вдали показывался парус, но ни одно судно не подошло к нам. Я развлекался, украшая остров узорами из морских ежей и причудливых ракушек. Я выложил крупными буквами надпись: «Остров Эпиорнис», — такие надписи из камней делают в Англии, возле провинциальных железнодорожных станций, — и покрыл все побережье чертежами и цифрами. Иногда я лежал на земле, наблюдая за птицей, как она гордо расхаживает и все растёт, растёт. При этом я высчитывал, какие буду получать доходы, показывая ее публике, если когда-нибудь выберусь отсюда. После первой линьки он похорошел, у него появилась синяя борода и гребень, а в хвосте множество зеленых перьев. И я ломал себе голову, имеет ли Дауон право претендовать на него или нет.

В бурю и в дождливые дни мы забирались в шалаш, который я соорудил из бывшего челна, и я рассказывал ему всякие небылицы о моих друзьях на родине. А после шторма мы бродили по острову, искали, не выбросило ли море какой-нибудь добычи. Не правда ли, идиллия? Будь у меня табак, просто райское было бы житье.

Но к концу второго года наша райская жизнь омрачилась. Пятница был уже тогда четырнадцати футов ростом от ног до клюва, с большой широкой головой, наподобие кирки, с огромными темными глазами, обведенными желтым ободком и поставленными близко, как у человека, а не так, как у курицы, — с боков. Его великолепные перья, не такие траурные, как у страуса, по окраске и строению скорее походили на перья казуара. И вот в это-то время он начал петушиться, надувать свой гребень и проявлять скверный характер.

Однажды, когда у меня упорно не ловилась рыба, он принялся похаживать вокруг меня с задумчивым и странным видом. Я решил, что он, быть может, снова наелся огурцов или чего-нибудь в этом роде, но нет, он просто выражал недовольство. Я тоже был голоден и, вытащив наконец рыбку, решил съесть ее сам. В тот день мы оба были

не в духе. Он потянулся к рыбе и сцапал ее, а я дал ему тумака, чтобы заставить его убраться. И тогда он набросился на меня... Боже мой! Он наградил меня вот этим... — Рассказчик показал на свой шрам. — Потом он лягнул меня. Лягнул, как ломовая лошадь. Я вскочил и, видя, что он не намерен успокоиться, пустился что есть духу наутек, закрыв лицо руками. Но он бежал на своих неуклюжих ногах быстрее призового коня, пинал меня ногами и долбил мне затылок своей киркой. Я бросился к лагуне и залез по шею в воду. У воды он остановился, — он не любил мочить ноги, — и начал орать, как охрипший павлин. А затем принялся бегать взад лвперед по берегу. Должен сознаться, я чувствовал себя униженным, глядя, как надменно держится это проклятое ископаемое. Голова и лицо у меня были в крови, а тело превратилось в студень с кровоподтеками.

Я решил переплыть на ту сторону лагуны и дать ему успокоиться. Вскарabкался на самую высокую пальму и сидел там, раздумывая обо всем случившемся. Никогда, ни раньше, ни позже, я не испытывал такой обиды! Неблагодарная тварь! Грубое создание! Я любил его, как родного брата. Я высидел его, я вскормил его. Голенастый урод, допотопная птица! А я, человек, царь природы, и так далее...

Я надеялся, что через некоторое время он все поймет и ему станет стыдно, что он так безобразно вел себя. Я думал, что, если я поймаю несколько хорошеньких рыбок, подойду к нему попросту и предложу их ему, быть может, он одумается.

Мне понадобилось немало времени, чтобы понять, какой злопамятной и несговорчивой может быть допотопная птица. Ну и злоба!

Не хочется рассказывать вам о тех мелких уловках, к которым я прибегал, чтобы образумить это со- вдание. Я просто не могу. У меня щеки горят от стыда, когда вспоминаю, какие унижения и обиды я терпел от этой дьявольской диковины. Я пробовал прибегнуть к насилию. Я швырял в него издали куски коралла, но он глотал их, и больше ничего. Однажды я бросил внего открытый нож и едва не потерял его, хорошо хоть, что он был слишком велик и мой красавец не мог проглотить его. Я пытался морить его голодом и перестал ловить рыбу, но он принялся собирать червей во время отлива и кое-как пробавлялся. Половину времени я проводил, сидя по шею в лагуне, а остальное — на пальмах. Одна из них была пониже других,

и когда ему удавалось загнать меня на нее, и измывался же он над моими икрами! Это становилось невыносимо. Не знаю, приходилось ли вам когда-нибудь спать на пальме. Меня мучили там самые дикие кошмары. А позор-то какой! По моему острову с видом надутого герцога расхаживает вымершая тварь, а я даже не могу ступить ногой на землю! Я просто плакал от досады и усталости. Я прямо заявил ему, что не желаю, чтобы какой-то проклятый анахронизм преследовал меня на необитаемом острове. Я предлагал ему убраться вон, и пусть себе долбит клювом какого-нибудь мореплователя его собственной эпохи. Но в ответ он только щелкал клювом. Несуразный урод: ноги да шея!

Мне не хотелось бы рассказывать, как долго это длилось. Я убил бы его раньше, если бы знал — как. Но в конце концов я вспомнил один способ, известный в Южной Америке. Связав все мои рыболовные лески водорослями и древесными волокнами, я сплел крепкую веревку ярдов в двенадцать длиной и привязал к концам по большому куску коралла. Это заняло у меня много времени, ведь мне то и дело приходилось либо нырять в воду, либо лезть на пальму. А потом я быстро закружил веревку над головой и метнул в него. В первый раз я промахнулся, но в следующий веревка ловко зацепила его за ноги и обернулась несколько раз вокруг. Он свалился. Я закидывал веревку, стоя по пояс в воде, а как только он скovyрнулся, вылез и начал пилить ему горло ножом.

Я не люблю вспоминать об этом даже теперь. Несмотря на всю мою злобу к нему, в тот момент я чувствовал себя убийцей. Я стоял над ним, а он весь в крови лежал на белом песке, и его прекрасные длинные ноги и шея подергивались в предсмертных судорогах. Ох!..

После этой трагедии я мучился от одиночества, как проклятый. Господи боже, вы не можете себе представить, как я оплакивал эту птицу. Я сидел у ее трупа и горевал, а вид этого безлюдного, печального острова приводил меня в содрогание. Я вспоминал, каким веселым птенцом он был, когда вылупился, вспоминал тысячу занятных фокусов, которые он выкидывал, пока не сбился с толку. Мне все казалось, что если бы *ж*только ранил его, быть может, мне удалось бы его перевоспитать. Будь у меня возможность выдолбить могилу в коралловой скале, я похоронил бы его. Я испытывал к нему

такое же чувство, как к человеку, и не допускал даже мысли о том, чтобы съесть его.

Я опустил его в воду, и мелкие рыбешки обглодали его дочиста. Даже перьев я не сохранил. А затем однажды какой-то чудак, проезжая на яхте, вздумал проверить, цел ли мой остров.

Он едва не опоздал. Одиночество мне надоело до черта, и я только колебался, броситься ли мне в море или отравиться этими зелеными штучками...

Кости я продал человеку по имени Уинслоу, торговцу, связанному с Британским музеем, а он, по его словам, продал их старому Гаверсу. Кажется, Гаверо не заметил их исключительной величины, и только после его смерти они привлекли внимание знатоков. Их называли... эпиорнис... как дальше-то?

Eryornis Vastus, — сказал я. — Странно, мне рассказывал в точности такую же историю один знакомый. Когда они нашли эпиорниса, у которого берцовая кость была в ярд длиной, они решили, что крупнее не бывает, и его называли *Eryornis Maximus*. Затем кто-то раскопал новую берцовую кость длиной в четыре фута и шесть дюймов, и эту разновидность называли *Eryornis Titan*. А после смерти Гаверса в его коллекции был обнаружен ваш *Vastus*, и, наконец, появился еще *Vastissimus*.

Да, Уинслоу рассказывал мне об этом, — сказал человек со шрамом. — Он говорит, что если они найдут еще новых эпиорнисов, у какого-нибудь ученого мозги лопнут от натуги. Однако странно, что с человеком может случиться такая история... Не правда ли?

1895